

Янь Були был в полном смятении:

— Какие же у вас, трёх дураков, дурацкие идеи! Замаскироваться под Цзян Мочоу — это не так-то просто! А если меня раскроют, мне снова придётся умереть?

Хуа Усинь хихикнул:

— Ничего, первый раз всегда сложный, а второй уже привычнее.

...

На самом деле Янь Були слегка заинтересовался этим предложением.

Во-первых, он понял, что битва в Пещере Девяти Драконов была ловушкой, устроенной праведниками. Остаться во дворце Чжэнъян или в семье Янь было не лучшим решением. Во-вторых, он был очень заинтересован в Цзян Мочоу, в этой женщине, казалось, было много тайн. В-третьих, соблазн «Обращения Неба и Земли вспять» был слишком велик. Только в Вратах Преисподней можно было по-настоящему овладеть его сутью. Если бы он нашёл способ разгадать его, возможно, смог бы вернуться обратно.

Но с условием, что он не станет мумией...

— Хуа-хуа... Я могу подумать о том, чтобы стать шпионом в Вратах Преисподней, но вы должны мне помочь, — он поднял голову и посмотрел на Хуа Усиня.

— Говори, только не проси нас рисковать жизнью ради тебя, — глава башни Хуа ответил с осторожностью.

Янь Були улыбнулся и указал наружу:

— Идите, выкопайте мою могилу!

Чем дальше на север, тем холоднее становился ветер, и сердца людей тоже становились холоднее.

Занавеска слегка колыхнулась, и красный кленовый лист упал в окно кареты.

Чи Юэ отложил книгу, поднял лист и медленно стёр тёплую кровь, попавшую на его прожилки.

— Чэдань, сколько ещё? — он устало поднял голову и спросил снаружи.

Средний наставник отбросил ученика дворца Чжэнъян, пытавшегося приблизиться к карете, и почтительно ответил:

— Скоро, господин!

— Я уже голоден...

Ху Чэдань поднял ученика с разорванными меридианами, полумёртвого, и начал трясти его, как цыплёнка.

Тот наконец очнулся, выплюнул кровь и открыл глаза, увидев перед собой сурового бородача, который строго спросил:

— Где у вас кухня?

Ученик разрыдался:

— Боже... Вы пришли сюда ради еды?!

Засунув в карету коробку с едой, Чи Юэ успокоился.

Он успокоился, но вдали величественный дворец был в хаосе. Звуки битвы раздавались то тут, то там, как удары барабана, ударяя по сердцам всех.

Холодный меч указывал на безмолвное небо, сверкающий клинок разрубил тонкий туман заката.

Красный поток вытекал из ворот горы, стекая по длинной каменной лестнице. Один за другим падали знакомые фигуры, бесчисленные враги поднимались вверх. Лю Цзинфэн вытер кровь с лица, чья она была — он не знал, и вошёл в главный зал дворца Чжэнъян.

Когда он вошёл, глава дворца Юэ Тяньци и его жена сидели наверху, держа в руках различные деревянные дощечки и что-то бормотали.

— Учитель... Передний зал не выдерживает!

— О, передний зал тоже не выдерживает, — Юэ Тяньци поднял глаза. — Как раз, Цзинфэн, выбери, какой гроб тебе больше нравится — из жёлтого кипариса или фиолетового павлонии?

Лю Цзинфэн...

— Или ты предпочитаешь кремацию?

Лю Цзинфэн глубоко вздохнул:

— Учитель, мы же послали сигнал! Почему подкрепление ещё не пришло?

— Подкрепления не будет, — Юэ Тяньци глубоко посмотрел на него. — Ты всё ещё не понял? Подкрепления никогда не было.

— Вы... Вы хотите сказать, что нас...?!

— Цзинфэн... — Юэ Тяньци покачал головой, в уголках его глаз появились глубокие морщины.
— С того дня, как ты решил стать пешкой, ты должен быть готов стать разменной монетой.

Лю Цзинфэн упал на колени.

Ещё один окровавленный ученик вбежал и доложил:

— Господин, передний зал пал! Они... они идут к главному залу!

Сказав это, он упал замертво.

Лю Цзинфэн поднял голову и умоляюще сказал:

— Учитель, у Пути Демонов больше людей, может, нам стоит временно отступить?

— Отступить можно на время, но не навсегда, — Юэ Тяньци махнул рукой и горько усмехнулся.
— Уведи Чжо-эр и других через заднюю гору. Чи Юэ, возможно, пощадит вас, но меня он точно не пощадит.

— Учитель! Пойдёмте вместе! — Лю Цзинфэн рыдал.

— Ты что, совсем охренел?! Сейчас не время для спектаклей! — Юэ Тяньци нахмурился и пнул его, опрокинув на пол. — Убирайся отсюда!

— Учитель!

— Уходи!

Лю Цзинфэн поднялся с пола, со слезами на глазах поклонился три раза, схватил меч и выбежал.

Он катился без остановки, выполняя последний приказ своего учителя...

Когда Хай Шанфэй с людьми ворвался во дворец, он увидел только море огня. Пламя, окутанное густым дымом, поглотило небо и землю, превратив весь дворец в красный ад, освещая молчаливое небо и каждое оцепеневшее лицо.

Юэ Тяньци погиб в бою, несколько учеников смогли сбежать. Всего триста семьдесят пять тел были брошены в огонь.

Столетняя слава и традиции превратились в пепел.

Одна ночь под луной демонов, и в мире больше не стало дворца Чжэньян.

Новость разнеслась, и весь мир был потрясён.

Тот самый забытый демон-король Цзянху наконец нанёс удар. Он не двигался, пока не пришло время, и когда он действовал, он перевернул небо. С первого же удара он открыл Врата Преисподней, принеся катастрофу в мир боевых искусств.

Представители праведных школ выступили с резкой критикой и протестом против безумных и жестоких действий Чи Юэ, в то время как последователи Пути Демонов ликовали и начали контратаку.

Стороны перешли от словесных перепалок к локальным столкновениям, от уличных драк к масштабным стычкам. Противоречия накалялись, и, казалось, третья война между добром и злом вот-вот начнётся...

А виновник всех этих событий в это время спокойно сидел в изысканной бамбуковой беседке, с удовольствием поедая тарелку солёных орхидейных побегов бамбука. Рядом с ним сидел старик с детским лицом и седыми волосами, который печально вытирал слёзы:

— Чёрт возьми, золотые орхидейные побеги бамбука — это сокровище, которое нельзя купить за деньги, а ты... ты... оставь хоть немного!

Чи Юэ проглотил последний кусочек побега и чмокнул губами:

— Пересолено.

Лэ Цяньцю возмутился:

— Они растут раз в десять лет! Ты что, не можешь выплюнуть?!

Чи Юэ выплюнул.

Лэ Цяньцю пристально смотрел на него.

— Это блюдо действительно слишком солёное, — Чи Юэ поставил плевательницу. — Что ты на меня смотришь?

— Это мой чайник...

— О, извини. Я удивлялся, почему твоя плевательница такая изысканная, оказывается, это шедевр мастера Цинляня. Тебе он ещё нужен?

— Не нужен.

— Тогда я заберу, спасибо.

... — Лэ Цяньцю вздохнул с облегчением. — Чи Юэ, двадцать лет не виделись, а ты всё такой же бесстыжий.

— Всё же лучше, чем твоя бесконечно растущая с годами наглость.

Лэ Цяньцю посмотрел на него:

— Хм! Я знаю, зачем ты сегодня пришёл, но мой ответ тот же, что и двадцать лет назад: не-воз-мож-но!

Чи Юэ улыбнулся.

Тёплый солнечный свет проникал сквозь щели в бамбуковом окне, оставляя золотые полосы на тёмно-красном столе.

Двадцать лет назад, в такой же тёплый день, он стоял под солнцем, но чувствовал себя ледяным.

— Господин Лэ, вы ошибаетесь. То, о чём я спрашиваю сегодня, — это не то, что я просил двадцать лет назад.

Янь Були выкопал свою могилу.

К счастью, погода была холодной, и тело не разложилось. В серебристо-белых погребальных одеждах, лежа в прозрачном ледяном гробу, он всё ещё выглядел великолепно и реалистично.

— Ледяной гроб продержится около десяти дней, этого достаточно, чтобы добраться до Крепости Белых Песков. У меня в ледяной комнате много места, хватит, чтобы заморозить тебя на пару лет, — Инь Мэйсюэ был очень щедр, освободив место в своём хранилище для вяленого мяса, чтобы разместить своего друга.

— Скажи своему повару, чтобы он не отрезал мне ногу к Новому году... — Янь Були почесал подбородок. — Мы ушли слишком поспешно, А Ло, должно быть, ничего не заподозрила, а вот Старина Хун-Петух... Хотя он, в конце концов, спас меня, ты дал ему денег?

— Ты так переживаешь, может, тебе понравилось быть его женой? — Линь Чжэнсюань хихикнул, ловко уклонившись от летящей туфли. — Дал, дал! Хватит на всю оставшуюся жизнь!

За его спиной Инь Мэйсюэ молча снял туфлю с лица, его левая щека сильно опухла.

Янь Були посмотрел на него слепым взглядом:

— Линь, ты должен мне тридцать лянов уже давно, с учётом процентов триста лянов — это справедливо, да?

Линь Чжэнсюань схватился за сердце:

— Красавчик, давай не будем больше об этом говорить, а? Это слишком больно...

Вторая туфля полетела в его сторону.

Инь Мэйсюэ был удовлетворён.

— Вы опять за своё? — Хуа Усинь вошёл в комнату. — Вы знаете, что произошло что-то серьёзное?

— О, опять время ежедневных новостей Цзянху от главы башни Хуа... — Инь и Линь быстро принесли маленькие табуретки, сели с семечками и арахисом. — Говори, говори, только без рекламы твоего любимого вина.